

ПОВОДОМ для встречи послужило интервью, которое известный литовский писатель Юозас Грушас согласился дать «Литературной газете». Но интервью не получилось. Мир Ю. Грушаса, его творчество, его размышления не уместались в рамках привычного жанра. Он сам был героем какой-то еще ненаписанной книги, этот спокойный, ироничный человек, начавший учиться только в 18 лет, а до того сполна изведавший крестьянский труд. То, что сегодня изучается по учебникам истории, вершилось на его глазах: из угнетенной окраины царской России, пройдя путь через войну, фашистскую оккупацию, нелегкие классовые бои, Литва сегодня стала свободной республикой в семье братских народов.

...Первая книга, полученная от поэта и книгоноши Йовараса, была привезена в деревню на возу под копченой салакой. Книжки прятались в овине, они пахли сохнувшим зерном и дымом: издания на литовском языке запрещались царскими властями. Грушас и читать учился не по бунварю, а по стихам самого Йовараса. Мы сидим в тихом доме на бышей окраине Каунаса. Мой собеседник медленно листает страницы прошлого. Он вспоминает...

Книга памяти

— Древние делили жизнь человеческую на разные периоды. Сейчас я достиг того рубежа, когда душа, по выражению Цицерона в диалоге «О старости», пребывает «наедине с собой...». Мне 83 года. Вы спрашиваете, много ли человеку доступно в этом возрасте? Со мною — природа, музыка, воспоминания. Ведь читать я теперь почти не могу, отпущенное мне — давно прочитано, и оно тоже со мной и во мне.

Как все началось? Однажды. Однажды в доме нашего соседа Йовараса увидел замечательного человека, революционера Мицкявичюса-Капсукаса... Однажды прочитал Достоевского. Книги его открыли другое измерение человеческой души, заставили иначе взглянуть на окружающих меня людей. Это было, что называется, прямое влияние — я заговорил его языком, он заразил меня своей мукой, и я начал испытывать такие страдания, как будто сам прожил жизнь его героев и его собственную. Так впервые постигалась магическая сила подлинного искусства.

НОВЕЛЛА О ГРУШАСЕ,

Однажды, идя полями, точно прозрел и замер, пораженный заревом туманного заката. Менялась, росла душа...

Поздно начал учиться. Школа, гимназия и вот — университет. Теперь я жил в Каунасе. В доме Миколайтиса-Путинаса, нашего профессора и великого поэта, собиралась талантливая творческая молодежь. Туда приходили Саломея Нерис, Юозас Паукштялис — будущие знаменитости. Саломея стала моей светлой юношеской безнадежной любовью...

В этой атмосфере искусства, молодости, смелых идей как-то очень естественно прорастали семена творчества. Потянуло писать самому. Первый рассказ сложился в 1926 году в деревне, на каникулах. Ехал верхом и незаметно для себя сочинил душещипательную историю об отважном всаднике, романтичном скрипаче и сентиментальной красавице. Рассказ и назывался под стать сюжету «Сон лилии». Его вскоре напечатали в школьном журнальчике. Я был немало удивлен, но искренне восхищался собою и продолжал писать в том же духе, напропалую выдумывая мелодраматические фабулы и эффектные концовки.

Через два года вышла первая книга, ее даже хвалили. Но мне становилось тревожно: я «перерастал» этот юношеский наивный романтизм, понимал, что недостатки книги дружески замалчиваются. Однако дальнейшего пути пока не видел.

После университета — преподавательская работа; много сил отнимала журналистика. Самое главное событие этих лет — поездка в СССР в 1934 году в числе десяти журналистов-литовцев по приглашению Советского правительства. Но это, как оказалось, был пролог...

Действие началось в 1941 году. Здесь установилась точка отсчета иного времени. Фашизм заставил пересмотреть многие прежние понятия и представления. Война потребовала ответа на вопрос: неужели разум может примириться с происходящим? Как могло все это произойти?

...Гонят изможденных советских военнопленных. Их то и дело пинают, бьют прикладами, совсем обессилевших бросают в медленно ползущие подводы, нагруженные людьми, как дровами; мертвые ли, живые ли?..

Людей ведут на расстрел, кто-то, спасаясь от преследования, падает под колеса проезжающих мимо машин. Каунасский IX форт... Механизм уничтожения продуман до тонкостей...

С другой стороны, война явила примеры удивительного героизма, самопожертвования, гренебрежения к смерти.

Как рассказать об этом, какие найти слова? И даже если ты пишешь сегодня совсем о другом, о будничном, о любви или поисках счастья, своего места в жизни, разве не стоят за твоею спиной тени погибших, развеянных в пепел, миллионы

Потому моя Беатриче в известном смысле тоже Дон Кихот. Вот как могут меняться роли в XX веке!

У меня нет любимой книги, но есть любимый герой — нетрудно догадаться, какой. Может быть, и сам я внутри где-то немного Дон Кихот...

— Когда Дантова Беатриче шла по Флоренции, при взгляде на нее и не зная, как ее зовут, люди говорили: это Беатриче, то есть дарующая блаженство. А ваш герой, отец, упустивший сына, спрашивает растерянно и тревожно: «Девочка... Девочка... Кто ты такая?»

— Они все, и отцы, и дети, преступно погубившие героиню, отрунули главное в

если так можно сказать, его духовное поле.

Главное в работе над пьесой — найти такие ситуации, чтобы актеру было что играть. Текст приходит потом. По моему, в драматическом произведении главное — характер и конфликт. Характер должен иметь какую-то цель, преодолевать препятствия, между героями необходимо противостояние. Не признаю аморфных сценических действий.

Поиск истины сегодня и всегда — вот самая актуальная тема, поэтому я не считаю свои пьесы на сюжеты из истории историческими в строгом смысле слова. Я не пытаюсь даже угадывать, каковы были на самом деле Геркус Мантас, Миколаас Глинскис... Да и как об этом можно догадаться! Театр — это не музей восковых фигур. Интересно перемешать реальные события и факты, а из этого уже лепить новую художественную действительность. Как это получается — не мне судить.

момента в их целостности — притяжение и отталкивание.

Классика, весь «золотой фонд» мировой культуры обладают колоссальной силой притяжения. Есть два искусства в творчестве — возлечь на достигнутом и этим удовлетвориться либо порхать по верхам, не помня предшественников: они, мол, сами по себе, а я — сам по себе. Не знаю, что хуже. В первом случае возникает унылое сочинительство элигонов, Во втором — беспочвенные потуги образованных графоманов. Оба эти явления ничего общего не имеют с творчеством.

Читая классику, начинаешь глубже понимать природу человека и его страстей, пути судьбы, смысл жизни; чувствуешь силу воображения автора и вместе с тем — четкий образ реальности, высокое стремление совершенствовать «несовершенный» мир.

Чему может научиться писатель у классики? Само собой, нельзя научиться писать так, как писали А. Толстой, Ф. Достоевский, М. Горький или О. Бальзак. Нельзя даже «присвоить» их стиль, который в широком смысле представляет собой отношения между художником и действительностью. Однако есть вещи, которым можно и должно учиться. Прежде всего тому, о чем я уже говорил, — смелости мысли и воображения. Талант без смелости — только половина таланта.

Перед нашими глазами сегодня проходят совсем иные явления и в ином темпе, чем, скажем, перед глазами романтиков XIX или начала XX века. Из окна дилижанса и в иллюминатор самолета мир видится по-разному, и говорить о нем невозможно так, как говорили наши предшественники.

Подлинно современное произведение искусства должно быть такой ареной сознания, где грандиозные социальные перемены, фантастические успехи науки, мощь активно творящей техники встречаются лицом к лицу с личностью, преобразующей действительность, оно должно быть широким духовным полем, вспаханым глубоким нравственным анализом.

Задача современного художника — не заимствовать формы, но дать ту же степень напряжения и воздействия в произведении другой духовной и физической реальности и с учетом другого духовного склада зрителя или читателя. Дух, а не формы искусства, проходит через все эпохи.

Мастерство писателя по сути своей не что иное, как высокая степень творческого, гражданского сознания. Это касается не только так называемой техники, «умения писать», но в первую очередь — дерзости в выборе путей реализации своей художественной идеи. Мы оцениваем писателя, который идет ровным, наезженным путем, иначе, чем того, кто прокладывает дорогу сквозь пропасти и вершины. Обычно наиболее плодотворным бывает именно трудный путь. Но ведь большие трудности приносят и большие победы.

...Оборачиваюсь у калитки. Сквозь стеклянную прозрачность сада видно: он стоит на пороге, высокий, широкоплечий, ветер разметал седые волосы.

И чудится разлитый в этом мире, в этом ветре неторопливый тихий голос «83 года, что там говорить! Возраст подведения итогов. Но мне так хочется писать, писать...»

Эта звенящая еще ледком весна, казалась, и была пьесой, которую он писал.

РАССКАЗАННАЯ ИМ САМИМ

и миллионы несбывшихся их надежд, сгинувших в небытие замыслов. Мысль о них не покидала меня с тех пор никогда.

Людей гнали вот по этой улице мимо моего дома. Навсегда осталось в ушах шарканье сотен ног по булыжнику. До сих пор не могу слышать шум волны по гальке, напоминающий этот звук...

В пьесе «Тайна Адомааса Брунзы», посвященной событиям войны, одна из картин идет на фоне этих шагов.

Долго не мог писать после войны.

Дон Кихот и Беатриче

Эти два образа, два символа невольно возникают в сознании по мере чтения Грушаса.

Герои его исторических произведений — Геркус Мантас, Барбора или наш современник — Пиюс, борющийся в меру слабых своих сил со злом, — Дон Кихоты...

Душою тянется к воображаемой прекрасной незнакомке — Беатриче, Лауре, Дульсине — юноша из рассказа «Любовь, противоречащая себе».

Беатриче — героиня известной пьесы «Любовь, джаз и черт».

Данте и Беатриче встретились весной 1274 года, и она вдохновила его на всю жизнь — новую жизнь.

У Бодлера — почти через шестьсот лет после них — впервые в мировой лирике появляется образ Лже-Беатриче, к которой тщетно взывает поэт из глубины отчаяния и мрака.

У Блока поэт не узнает своей Беатриче — Незнакомки и теряет «ритм души»...

— Вы не боялись таких высоких ассоциаций и написали СВОЮ Беатриче? Да к тому же она вообще не встречается своего поэта...

— Этот характер, эта душа вылеплены из одной бодлеровской строки. Прочтите стихотворение «Духовная жаря». Среди безнравственных, распущенных молодых людей эта девушка появляется, как солнечный луч, — она стремится облагородить, возвысить потерявшихся «мальчиков», правда, без большой надежды на успех, идет до конца и гибнет.

жизни: зоркость сердца, милосердие, чистоту, любовь. Слышал много упреков в чрезмерной жестокости этой пьесы, но уверен в своей правоте.

Меня волновало и волнует то, что часть нашей молодежи ищет легких путей в жизни. Излишнее внимание к внешней оригинальности, хвастовство, что называется «упаковкой» — признак глубокой внутренней пустоты. Даже потенциально творческую и талантливую личность это может привести в пустыню. Эту духовную пустыню заполняют тогда острые ощущения, раскованность эмоциональных порывов, музыка, высвобождающая дикие инстинкты, рискованные с точки зрения морали поступки. Так формируется псевдоличность — человек, который презирает разумные общественные нормы, хочет легко и быстро добиться благополучия, не важно, какими средствами. Дружба и даже брак становятся объектами эксперимента, теряется понятие совести. Таких людей не должно быть в нашем обществе.

Беатриче погибает, чтобы жить, пробуждая в каждом нетленный Идеал добра и красоты.

Невидимый театр

— Любите ли вы смотреть свои пьесы в театре? Представляют ли каких-то определенных актеров в ролях ваших персонажей, когда пишете?

— Премьера, разумеется, всегда волнующее событие. Но здесь я вас разочарую и признаюсь: не люблю смотреть своих пьес. «Сценические иллюзии» как будто ограничивают воображение. Все кажется вялым и неинтересным. Может слушаться и так, что я не отличу хорошей актерской игры от плохой.

Не знаю, как у других драматургов, в мой театр — внутри меня, я сам — и Швитригайла, и Барбора, и Клоун из эксцентрического «Цирка». Я не вижу внешнего облика персонажа, а чувствую,

Когда Шекспир писал «Хроники», он не был еще Шекспиром, а вот в «Макбете», в «Лире», где перед нами проходит именно эта «перемешанная» и вновь воссозданная действительность, он — гений. Здесь с нами говорит душа самого автора, его размышления о времени.

Воображению, фантазии я отдаю большое место в творчестве.

У каждой эпохи — своя фантазия, как и своя экономика. Труд создал человека, но способность мечтать возвысила его до личности. Если бы люди были лишены этого дара, может быть, они и сегодня еще высекали бы огонь из кремня. Воображение рождает открытия, стимулирует пробы и эксперименты. Во все времена оно создавало самые устойчивые духовные ценности. «Надо мечтать!» — призывал такой трезвый и реалистичный философ и политик, как В. И. Ленин. Без мечты не совершались бы великие революции...

Пусть не возникнет впечатление, будто я готов предложить так завести механизм фантазии, чтобы она сразу вознесла нас на седьмое небо. Нет! Только прочно стоя на земле, можно проникнуть в глубь реальности, сквозь видимое разглядеть, предугадать невидимое.

Миф об Антее

Хитроватые огоньки вдруг зажигаются в глазах моего собеседника, и он смотрит на меня выжидательно.

— Какой вопрос вы хотите услышать теперь, Юозас Антанович? Чувствую, вы что-то задумали...

— Вполне дежурный вопрос всех интервьюеров: о классике, о традициях и новаторстве... Я готов ответить на него. Только давайте прежде вспомним миф об Антее. Силу этому легендарному великану придавала Гея — Земля, но ведь совершил он свои подвиги, преодолевая ее притяжение. Здесь очень важны эти оба